до сорочки, и до ножев, и до ногавиц, и сапогов и киверев не оставили на них!»; «Новый-Городок литовьскый давно отпал, и яз его отправил, и десятину доспел к митрополии же, и села. В Волынской же земли такоже колько лет стояла володимерьская епископиа без владыки, запустошала? и яз владыку поставил и места исправил» и т. п.

Помимо личных жалоб на несправедливые обиды, рассчитанных на эмоциональное воздействие на слушателя и читателя, помимо обоснования многочисленными доводами из канонических текстов своего права на митрополию, Киприан немало места уделяет самовосхвалению, подчеркивая, что он сделал много полезного для русской церкви и государства. Такое построение второго послания рассчитано на то, чтобы произвести большое впечатление на читателя, кем бы он ни был: на простого человека оно могло воздействовать красочным описанием невзгод, перенесенных митрополитом; на духовенство большое впечатление должна была произвести эрудированность митрополита в вопросах церковно-канонических установлений; наконец, на великого князя, а Киприан явно рассчитывал на то, что его послание может быть прочитано и им, оно должно было повлиять подчеркиванием заслуг митрополита перед Русским государством, доброжелательности митрополита к великому князю Московскому.

Исходя из данных второго послания Киприана, мы имеем все основания считать это послание не только ценным историческим источником, но и литературным памятником, написанным незаурядным писателем, искусно пользовавшимся изобразительными средствами русского языка, умело употреблявшим риторические приемы. Второе послание Киприана предшествовало таким замечательным памятникам этого жанра древнерусской литературы, как Послание Вассиана Рыло на Угру, послания Иосифа Волоцкого, послания Ивана Грозного.

До нас дошло несколько поучений и наставлений Киприана по литургическим вопросам. К этому роду его произведений относятся: Поучение новгородскому духовенству о церковных службах 1395 г., Наставление псковскому духовенству о совершении различных священнодействий и Ответы игумену Афанасию Высоцкому.

Во всех этих произведениях Киприан выступает не только как высший иерарх русской церкви, знаток литургических правил, но и как наставник и учитель. Поэтому поучения Киприана, проникнутые мотивами личных переживаний, представляют для нас не только исторический интерес, но и как произведения, могущие охарактеризовать литературную деятельность Киприана.

Поучения Киприана в тех частях, где он указывает, как нужно поступать и что делать в том или ином случае конкретной церковно-религиозной практики, отличаются отсутствием риторичности, лексической и синтаксической простотой. В большинстве своем это весьма краткие статьи: «А церкви несть второго свещения никаковаго, кроме яже престол святый попортится. Тогды и священие надобе, тогды и всякаа порядня изнова надобна»; «Про кумовьство. Что детя крестити куму с кумою — несть того. Неслично двема крестити, ни мюжю с чужею женою, ни с своею женою, но одному годится крестити, или от мужьскаго полу или от женьскаго» (из Поучения новгородскому духовенству); [57] «А мужи бы к святому причастью во волотах не приходили, но снимали бы волоты. А на ком пригодится опашень или шуба, и они бы припоясывали» (из Настав-

---

[57] РИБ, т. VI, ч. I, стлб. 235—238.